475 05 М75 765

ЦЕНА 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

ЖУРНАЛ ТАПП

5852 В/Т 49633.

№ 8

АВГУСТ 1928 г.

Стихи

Молотьба.

Барабанщик, веселый малый,
Кормит сытным жратвом барабан,
Барабан же рычит: мало-мало!
И гудит словно злой ураган.
Две молодки стоят на отлете,
Отгребают солому и колос
И складают солому в ометы,
Подавая друг другу голос.
Перед жадным жерлом барабана
Все растут и растут вороха.
Все тяжелой работой пьяны,
Как один, горячи на подхват!
От натуги все лошади взмокли—
Замедляют шаги у водил;
Погоняльщик по влажному боку
«Чалой» с смехом кнутом угодил.

Маховик словно птица мелькает,
Колыхая широкий ремень.
И гудит и поет, не смолкая,
От утра без прерыва весь день.
Но вот ночь.
Тут уж отдых заслужен.
И, как будто бы кончивши бой,
Молотильщики прутся на ужин
Говорливой веселой гурьбой.
На столе миски полные с квасом—
В них крутые ломти ветчины.
За хозяином Сидором Власовым
Сели все, соблюдая «чины».
Появилась бутыль с самогоном,
Заходили стаканы кругом,
Пили все так степенно, резонно,
Закусывая пирогом...

А потом,
А потом незаметно
Завязался горячий спор,
Что не Дарьей,
А Лизаветой
Полонен молотильщик Егор.
Кто-то гаркнул горластую песню,
Голоса собрались на подбор.
С песней стало
В избе как-то тесно
Запросилась душа на простор.
И всю ночь напролет под ометом
Раздавались и песни и смех.
А поодаль
С подругою кто-то
Говорил о любви,
О весне.

Алексей Медведев.

Дочери Магдалине.

В этих глазенках чудесных—
Голубая весенняя тьма.
Матери жизнь—как песня,
Песня, любовь и тюрьма.

Помнится кладбище, ели...
На елях розовый свет...
Дочку мою зарыли,
Дочки моей уж нет.

Девочка, девочка милая,
Отблеск весенней зари!...
...Могильщик сравнял могилу,
Сплюнул и закурил...

Старинное, нежное имя
Написали на белой доске.
Показались кресты голубыми
В кладбищенской дымной тоске.

Радость моя и мука—
Зачеркнуты навек крестом!
Кто-то взял мою руку,
Тихо сказал:
— Пойдем...

И опять в одиноком доме
Комнаты жутко тихи.
Я опять улыбаюсь знакомым
И опять
Пишу стихи...

Все мы счастливы, все мы богаты.
И эти, и я, и ты.
В памяти—горькие даты,
В душе—
Голубые кресты.

Галина Краева.

Девушке—морячке.

Ты выросла в глубоких боях;
Тебя звало седое море.
На вздрагивающих губах
Запечатлелись страсть и горе.

Всегда тебя предупреждал,
Что море непомерно ложно.
Ты любишь шторм,
Девятый вал,
Ко мне ж подходишь осторожно.

И вот сегодня:
Пенный док,
Скрипят прогнившие тесины;
А смуглый курд поставил в бок
Клинок соленой парусины.

На дрейфе груженый титан,
А ты одна в зеленой шлюпке.
И удивлялся капитан
С высокой пароходной рубки.

А ветер в тучах пел и пел,
И пена яро в скалы била.
Я только издали смотрел,
Как шлюпка в море уходила.
. . . . . .
А утром крепкая вдвойне
Ты будешь радоваться свету,
И малахитовой волне
Поверишь больше, чем поэту.

Батум, 28 г.

Ф. Гулявин.

У черноморских берегов

Уж полдень сгорел без возврата
А радость моя легка...
На дальнюю пристань заката
Седые ползут облака.

Я знаю, года торопливы
И, может быть, близок тот час,
Когда, голубые заливы,
Навеки забуду я вас!

И прелесть походного ранца
Забуду для пары сапог,
Для пафоса электростанций
И узкоколейных дорог.

На пыльную полку былого
Я брошу дорожный билет
И с ворохом пережитого
Напевы ребяческих лет...

Но я никогда не забуду
Безветренный сон берегов
И эту косматую груду
Едва присмиревших валов...

О море, не ты ли, не ты ли
Окутало мысли в туман
Твоей романтической были?
Бушует седой океан.

Страшны твои песни и долги
И, как незалеченный шрам,
Мне остов затопленной «Волги»
Мерещится по вечерам.

И чувствую порох и кровь я
И звон золотых портупей
От сонных степей Приднепровья
До афганистанских степей.

Кровавая чья то дорога
Здесь позаросла ковылем...
Но вновь боевая тревога
Колышется в сердце м ем,

И сквозь голубое «когда-то»
Дрожит она издалека...
На дальнюю пристань заката
Седые ползут облака.

Геленджик, 28.

В. Сухотин.

Шестой Всемирный Конгресс Коминтерна.

В Колонном зале Дома Союзов в Москве протекал шестой всемирный конгресс Коммунистического Интернационала.

НА СНИМКЕ—делегация московских рабочих приветствует конгресс.

11 лет живет республика советов. 11 лет осуществляется в ее пределах диктатура пролетариата. 11 лет пролетариат СССР ведет свою борьбу и строительство социализма под руководством коммунистической партии. 9 лет борется за мировую пролетарскую революцию основанный Лениным 3-й Коммунистический Интернационал

Эти даты, эти цифры говорят о все более и более крепнущей мощи мирового рабочего класса, все новых и новых достижениях страны советов в социалистическом строительстве, о все более возрастающей воле трудящихся масс к свержению международных эксплоататоров, к борьбе за мировую пролетарскую революцию, за международный Союз Советских Социалистических Республик.

4 года прошло со времени 5-го конгресса Коминтерна. Эти годы ознаменовались революцией в Китае, всеобщей горняцкой забастовкой в Англии, восстанием пролетариата в Эстонии, восстанием венских рабочих. Эти же годы были годами мобилизации всех сил мировой реакции, годами усиления капиталистического нажима на рабочий класс и угнетенные народности, годами ожесточенной травли, направленной на республику советов и, наконец, годами бешеной подготовки империалистических стран к новой войне.

6-й конгресс Коминтерна в истории мирового рабочего движения имеет исключительно важное значение. Перед лицом всего трудящегося мира конгресс демонстрирует те величайшие достижения, к которым пришел в своем социалистическом строительстве пролетариат СССР на основе пролетарской диктатуры, на основе ленинского учения.

Конгресс Коминтерна, разоблачая всю фальшь разговоров буржуазных правительств о мире, вскрывает опасность новой кровопролитной империалистической войны и призывает рабочий класс всего мира всячески противодействовать ей.

Конгресс Коминтерна, на практике всей деятельности партий 2-го Интернационала, показывает безнадежно-предательскую сущность и буржуазную природу оппортунистов, которые не только разделяют власть с буржуазией, но и вместе с ней готовятся к войне, готовятся вновь предать рабочий класс, как это было ими уже проделано в 1914 году.

И, наконец, 6-й конгресс выработал программу Коминтерна, которая, полнее определяя его конечные задачи, уточняет и тактику каждой компартии применительно к условиям каждой отдельной страны.

В преддверии новых империалистических войн, накануне решительных классовых схваток пролетариата с буржуазией—6-й конгресс Коминтерна знаменует собой и поверку его боевых революционных сил и еще более тесное закрепление единства международного революционного пролетариата.

До известного времени врагов в доме не было.

Жили мирно.

Отец Семена служил в правлении кооператива, целый день был занят. Вечером он приходил домой усталый, запирался в своем кабинете и выходил оттуда редко. Мать служила в советской школе и была занята не меньше отца: днем служила, а вечером или читала в столовой, или поправляла тетради. Ближайшими соседями Семена были—старая товарищ-Феня, готовившая суп и клецки, облезлый кот Федор да две, обитающие в угловой комнате, рабфаковки.

Тихая жизнь дома отвечала запросам его обитателей.

Не меньше других был доволен тишиной и Семен. Днем, как все, он был занят в школе и отряде, а вечером продолжал бесшумное свое существование в столовой, около лежанки, за арифметикой и географией.

Все шло хорошо до того момента, когда хозяину дома, глухому староверу Федору Моисеевичу, не пришла в голову и не застряла там мысль об использовании заброшенной ванной комнаты в коридоре под жилую площадь.

Проект был немедленно осуществлен: из ванной вынесли старую дубовую кровать, продранный пуховик и качалку об одной ноге. Когда тащили на чердак пуховик—весь пол в коридоре осыпали пухом, и после старому товарищ-Фене долго пришлось подметать. В освобожденной комнате прорубили окно, оклеили стены, обелили потолок и все было кончено.

Жилец вскоре нашелся.

По профессии и социальному положению он был учитель пения, временно, по безработице, служащий в городском ломбарде. Звали его чудно: Иллиодор Акинфович Нелиевзоров. Новый жилец был одинокий мужчина, средних лет, маленький и чрезвычайно тощий, с маленьким красным носиком и вогнутыми внутрь ногами, ходил он в желтой шляпе с атласной лентой, носил старого покроя пальто, пенснэ и галстук горошками. Из вещей, кроме всего необходимого, при нем были гитара с перламутровой декой и карманный английский словарь.

Новый жилец оказался человеком очень общественным: начал он благородно со стакана кипятка и вскоре дипломатично добился права постоянного вечернего пребывания в столовой.

Тихая жизнь дома нарушилась неожиданно и резко.

Нелиевзоров обладал многими талантами и умело владел ими: играл на гитаре по нотам, пел всякого рода арии жидким скрипучим тенором, рассказывал анекдоты, новости и, вообще, оказался артельским мужчиной. Симпатии женщин и всех окружающих, исключая старого товарищ-Фени и Семена, завоевал он с поразительной быстротой.

Старому товарищ-Фене новый жилец не понравился после первой же произведенной ею уборки его комнаты: новый жилец много курил, и окурки замечательно хитро прятал в цветочных банках и в простенке между окном и койкой, вследствие чего старому товарищ-Фене приходилось в поисках их копаться в земле и залезать под кровать.

Семену не понравилось в новом жильце все с первого же знакомства. Во-первых, уходя из столовой с первым стаканом кипятка, Нелиевзоров погладил его по голове и назвал милым мальчиком, как будто по физиономии можно об этом судить. Во-вторых, новый жилец очень любил говорить про советскую власть и ответственных работников. Пение же и игру на гитаре Нелиевзорова Семен рассматривал, как возмутительное нарушение общественной тишины.

Первое столкновение произошло на второй месяц после вселения Нелиевзорова на новую квартиру. Учитель пения пожелал угостить Семена.

— Сеня, хочешь грушу?—нежно сказал он, высунув руку с грушей из двери своей комнаты.—Хочешь?

Груша была перезрелая бессемянка, мятая, душистая, и обещала быть очень сладкой. Но Семену сразу же не понравился добрый тон Нелиевзорова. Во-первых, никогда до этого учитель пения ничем не угощал его. Во-вторых, вздумал угостить тогда, когда в столовой было много народа. В третьих, спрашивает... как будто не знает... и в-четвертых, почему, непременно, одну только грушу?

И, вопреки натуре, груши Семен не принял, а, глядя с презрением на ладонь учителя пения, энергично отрезал:

— Во-первых, я вашей груши вовсе не хочу... ешьте сами! А во-вторых, прошу не называть меня Сеней: я вам не товарищ.. и вот!

Нелиевзоров сконфузился, но скоро нашелся.

— Ну, как же? Ну, тогда—Семен!—ехидно сказал он.—Дворников так зовут.

— Ну, и—Семен... передразнивая его, буркнул Семен.—Дворники тоже не хуже вас бывают!

— Семен, так Семен. Помни: дворник Семен!

— Ладно, чего там .. А вы—певец в шляпе!

С этого времени между ними завязалась скрытая вражда. Приходил Иллиодор Акинфович со службы—Семен обязательно встречал его в коридоре неизменной презрительной улыбкой. Выпивал певец пятый стакан чая—Семен глядел на него с оскорбительным удивлением: такой прыщ, а пятый стакан дует!

Иногда Семен выходил в прихожую, осматривал там галоши и, открыв дверь комнаты Нелиевзорова, строго говорил:

— А галоши-то, гражданин Нелиевзоров, вытирать надо. Это вам не ломбард .. и вот!

Певец не отзывался—делал выдержку.

II.

Настоящая борьба открывалась за вечерним чаем, когда в столовой собирались все обитатели дома, и новый жилец приходил также с гитарой и словарем.

Кашлял Нелиевзоров в кулак, садился на край стула и перед тем, как приступить к чаепитию, долго вежливо дул на блюдечко.

Семен подмигивал на певца окружающим и также дул. Женщины фыркали. Учитель пения краснел. Семен невозмутимо болтал под столом ногами.

После чая певец или играл на гитаре шумный марш «Бороды», грозно ударяя мизинцем с перстнем о струны и воинственно поглядывая на окружающих, или же садился в кресло и начинал рассказывать новости.

Рассказал он как-то одну вещь, высмеял советскую власть. Семену не понравилось. Он сердито фыркнул:

— И ничего смешного. Подумаешь!

— Ну?!—привскочил ехидно певец.

— Ну и ну!—обозлился Семен.—По вашему выходит, что вы один умник, а все дураки. А вы-то, Иллиодор Финфич, вы только на гитаре играете да сплетничаете про советскую власть... и ничего больше не видите!

— Куда уж нам, беспартийным!—насмешливо соглашался певец.

— Понятно, видней,—сердито передразнил Семен. Когда собрали со стола, ему пришла в голову новая мысль. Он не утерпел

— И смотрите, как бы вам за ваши слова из ломбарда да в Соловки не угодить!

Певец поежился. Очередную политическую вылазку вел он уже осторожней

— Заграничные пионеры .. м-да...—ехидно мычал он, перелистывая номер советского журнала. Действительно... И одеты то не так, как наши мазурики.

Семен нетерпеливо ерзал на стуле:

— Это кто же «наши мазурики»-то?

— Известно, кто...

— В трусиках, ведь?

— В трусиках то в трусиках, да...

— Ну, и что же—«да»?

— Да все то же: вот он, пионер родной!

Семен смотрел: на рисунке мыли в ванне беспризорного, а внизу была подпись: «Аж вода почернела». Семен торжествовал:

— Ну, и Америка! Это же вовсе не пионер, а беспризорный!

— Беспризорный—соглашался певец. А разница?

— Сравнили очень!—Семен волновался. Я-то, по вашему, тоже—беспризорный?

Певец вздергивал к потолку жидкие брови:

— Ну, зачем же. Не совсем, конечно...

Окончательно возмущенный Семен уходил из столовой.

Семен затаил обиду. Тайная вражда перешла в открытую войну.

Двери входящим в дом всегда открывал Семен. Он запомнил вежливые звонки певца и с той поры учитель пения часто принужден был по полчаса томиться у парадного. Когда просыпалась от неистового звона в ушах старая товарищ-Феня, Семен стремительно опережал ее, делая в прихожей заспанные глаза.

— Во время приходить нужно, гражданин Нелиевзоров—сердито бурчал он, открывая дверь и поддерживая свободной рукой штаники. И на звонок тоже серчать нечего: слышится хорошо.. и вот!

Вскоре после этого в доме произошло необ'яснимое: певец подарил старому товарищ-Фене отрез на кофту. Произошло на кухне, после обеда.

Семен подозрительно оглядел певца, смущенную старушку и ситец. Сомнений не оставалось: ситец был самый настоящий церабкоповский и лежал на столе, рядом с самоваром.

— Ишь ты!—удивился мысленно Семен. Старуха, а туда же!

Певец молчал и не удостаивал пионера вниманием.

III.

Тихо жить мешал певец Война не прекращалась всю зиму. Певец и пионер подолгу не разговаривали друг с другом. При встречах певец таращил на Семена глаза, вздергивал брови и оттопыривал вниз губу, а пионер уничтожающе фыркал. Попытка наладить мирные отношения не привела ни к чему. Перед зачетами Семен подчищал знаменателя в своей комнате, когда дверь к нему тихо приоткрылась, в отверстие просунулась голова и знакомый голос спросил тихо и добро:

— Мучаешься, брат? Хочешь... вместе?

Предложение было заманчиво: знаменатели вгоняли в пот, потребность в обществе мучила того более. Семен молча косился на врага. Он колебался. Но под конец вспомнил все обиды и сердито закричал.

— Дроби я буду отвечать, а не вы и, вообще, не суйтесь, куда вас не зовут.

Голова мгновенно исчезла.

Близились праздники. Отец купил Семену сразу две пары сандалий, трусики и сердито сказал:

Чтобы за лето больше не ждать.

Семен дал обещание. Задумываться было некогда: в отряде его выбрали в комиссию «по проведению», и он по целым дням пропадал из дома.

На утро праздника певец и пионер встретились на кухне.

Солнце копошилось в кучке сора, в углу, где всегда стояла швабра, древний и облезлый Федор прыгал на занавес плиты и старый товарищ-Феня гремела железным листом.

Тихо жить мешал певец...

Рядом с фигурой стоял горбатый старичек.

Певец чистил ботинки, а пионер сандалии.

В дымном воздухе нависло грозовое молчание.

— Обедня-то у вас во сколько?—первым нарушил молчание певец.

— Мы без обедни.

— А зачем же сандалии чистить?

— Не знаю, зачем вы свои тепловозы на чужой праздник чистите. Я бы из принципа в грязь окунул.

Певец умолк,

Семен спешил. До отряда нужно было еще помочь старой товарищ-Фене наколоть дров, пришить к рубашке пуговицу и, кроме того, хотелось пить чаю. Напились без него и отец с матерью уже куда то ушли.

IV.

День был жаркий.

Досталось крепко.

В парке отряд распустили. Вольно.

Семен пошел искать среди толпы знакомых.

Старый парк звенел гулко, сыро, весенне обеспокоенный непривычной суматохой. Ветер затих недоуменно, побитый ребячьим шумом. Шума было много. Трещали барабаны. Покраснев от жары и потуги, дудели, лежа на траве, сигнальщики. Семен потихоньку от одного задремавшего попробовал себе подудеть, но получил по затылку и удрал во избежание скандала.

На главной аллее он увидел в толпе рабфаковок. Они чему-то смеялись, глядя на разукрашенный карнавальский автомобиль. Семен взглянул туда и понял: с автомобиля какой-то тип с лентой на рукаве щурил на рабфаковок один глаз. Выходило смешно, но Семену стало завидно. Он пробрался на видное место и себе попробовал. Один глаз не слушался - хлопали сразу оба, но, в общем, вышло ничего. Они его заметили, засмеялись и младшая послала один воздушный. Семен покраснел. Скверно было одно: его заметил отец. Он прикуривал у шофера, около ответственного автомобиля и одновременно грозил ему пальцем.

Затрубили сбор. Семен побежал к отряду.

Жара спала, когда отряд Семена вышел из парка, под гулкую дробь барабана. Семен шел в средней колонне. Он думал о макаронах и молочной лапше.

Вдруг он заволновался.

Внимание его привлекла фигура в черном пиджачке и шляпе. Фигура стояла у телефонного столба, скрестив на груди руки. Рядом с фигурой стоял горбатый старичек с палкой, задумчиво пожевывая губами!.. Сплетники!..

Семен покраснел. В голову пришла злая мысль. Он раскрыл дрожащий от сердитого нетерпения рот и звонко крикнул в гущу ребят:

— Смотрите: певец из ломбарда про советскую власть сплетничает! Смеется, а ботинки начистил!

Вышло нехорошо. Ребята его не поняли, и это было обидно Семену, а вожатый тоже не понял и после похода сделал ему строгий выгор за хулиганство в строю, с предупреждением.

— Слышал или не слышал крика ехидный певец из ломбарда—тайна, неизвестно, но только через несколько дней увидел Семен, как к дому под'ехал извозчик, и певец стал выносить из комнаты свои вещи.

— На курорт?—не утерпел и с'язвил Семен.

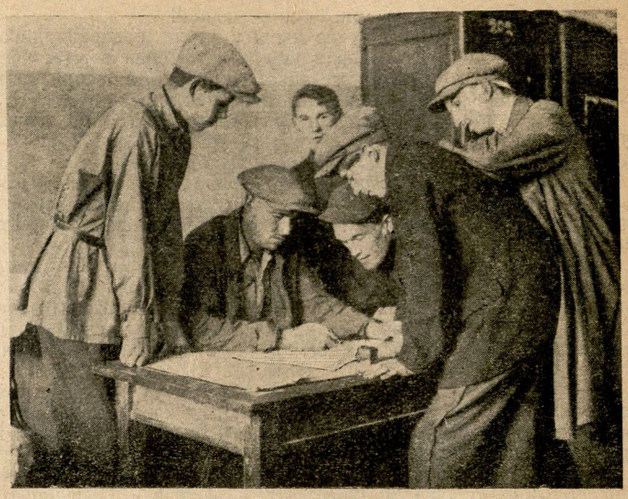
Певец промолчал. Он уехал на другую квартиру.

Поединок закончился.

В. Игнатов.

Санитарные отряды рабочих гор. Тулы на демонстрации.

Коллективная подписка на 2-й заем индустриализации среди работников печати.

ПЫЛЬ.

Рассказ В. Дубенской.

S. O. S. („Спасите наши души". Радиосигнал о бедствии).

I.

Из-за неровно-обрезанных краев туч глянуло солнце. Сыро. Ночью шел дождь. С тяжким грохотом едут ломовики. Лавки заперты, но кое-где около кооперативов уже сходятся женщины с корзинками. Гершелэ вышел за ворота и повернул к синагоге, помахивая тростью. По росту ему было лет одиннадцать, но лицо с синяками под глазами, испитое и не по детски мрачное, казалось старше. Да и одет он был в костюмчик, хотя и сильно потертый, но с галстуком бабочкой и алым платком из кармашка. Рубашка под костюмчиком потеряла давно белизну. Гершелэ обернулся и, убедившись, что никого из евреев нет, достал папиросу. Закурил. Спешить было некуда. Кантор остановился рядом с синагогой у раввина. Хор должен собраться к половине девятого, а не было еще даже восьми. От солнца весело поблескивали лужи. Гершелэ думал о том, что уж два года ездит он с кантором из города в город с такими же, как он, девятью мальчиками и взрослыми. Рэб Фрумкин был известен среди евреев своим хором. Его ждали, ему платили большие деньги и охотно брали на ночлег детей. Рэб Фрумкин считал, что в гостинице останавливаться слишком дорого. Нужно высылать семьям детей по двадцати рублей в месяц—раз; взрослым на руки деньги—два; а там дорога, а там одежда—с каких гешефтов баловать детей? Да и что сделается, если ребенок поспит у еврея? А что иной раз детей укладывали на одну постель с чужими, и они видели кое-что, чего-бы могли и не видеть, так, ведь, это редко! Еврейский народ добр!

На заборах пестрели афиши. Гершелэ остановился посмотреть одну из них и вдруг вспомнил, что сегодня ему исполнилось 13 лет и настало его балмицвэ. Сколько раз он сам, и Муня, и Менделе-длинноногий притворно плакали, рассказывали хозяевам, что именно сегодня их балмицвэ, что у них мама добрая, а в этот день, когда впервые накладывают тфилим и грехи больше не будут падать на головы отцов, а упадут на их собственные бедные головы, они совсем одни. Некому сготовить вкусные медовые леках и цуккер-леках!

Детей жалели, дарили им подарки.

Гершелэ стало грустно, так как, правда, пришло его балмицве, а около не было ни матери, ни толстой тети Ханы. Позванивая, прошел трамвай. Нагнал Муня, толстенький, рыжеватый мальчуган с девичьим, невероятно тоненьким голосом и круглыми ручками с медным кольцом «под брильянт».

— Ты что киснешь? Разве плоха Идочка? О, я такой девочки еще не видал!

Гершелэ нахмурился. Он вспомнил Иду, хозяина Зильберштейна дочку. Ей было лет 13. Она ходила в клетчатых платьицах с красной пионерской косыночкой и держалась с ним очень сурово.

— Вы не воображайте, пожалуйста! Кривляетесь, как обезьяна, несете тарабарщину (они пели на древне-еврейском) и вообще ходячая синагога.

— О, праведный бог! Разве это счастье, такие дети?—кричала ей в ответ мадам Зильберштейн. Муня заглянул Гершелэ в глаза.

— Целовались?

— Ну, да, ну, чем же я хуже тебя?—солгал он и первый вошел в дверь синагоги.

II.

Монотонно выкрикивал молитвы кантор, тихо шевелились талэс мужчин, на хорах перешептывались женщины. Кантору вторили мальчики на невероятно высоких нотах. Гудели басы взрослых. Гершелэ устал. Он чувствовал, что в горле словно мешает что-то. Было больно петь. Голова кружилась, звенели голоса гортанно, словно не люди пели, а играли инструменты и только один голос кантора перебивал их, назойливо лез все вперед и вперед. Свечи канделябра слабо горели. Гершелэ щурил глаза, и тогда они расплывались в семь маленьких, колючих звезд. Их свет резал глаза, но отвернуться от них Гершелэ не мог. У Менделя-длинноногого повисли на лбу капли пота. Гершелэ стал следить, как он закрывает и открывает рот. Вспомнил, что Менделэ, играя в карты, кричит: четыре с боку, ваших нет—и, загребая выигрыш, поднимает палец, говоря: это же деньги, граждане!

Мендель и Гершелэ были из местечка Шумячи. Рэб Фрумкин, пополняя хор, забрал их в одно время. В первую ночь спали вместе и оба плакали потихоньку друг от друга, но ночь прошла. Настали пестрые дни, полные новых людей, впечатлений и усталости, так как нужно было заниматься с рэб Фрумкиным, петь в синагоге и у богатых евреев, а если оставались свободные вечера, они играли в карты, спекулировали и пели свои песни, зарабатывая для себя Рэб Фрумкин все их деньги отсылал родным. О прошлом не говорили. У Менделэ оказался голос обыкновенный, и рэб Фрумкин в первый же месяц сбавил ему пять рублей. Гершелэ пел невероятно высоко очень чисто, и Фрумкин часто говорил ему: о, ты вынешь когда-нибудь еврейскую душу и сделаешь голосом капитал.

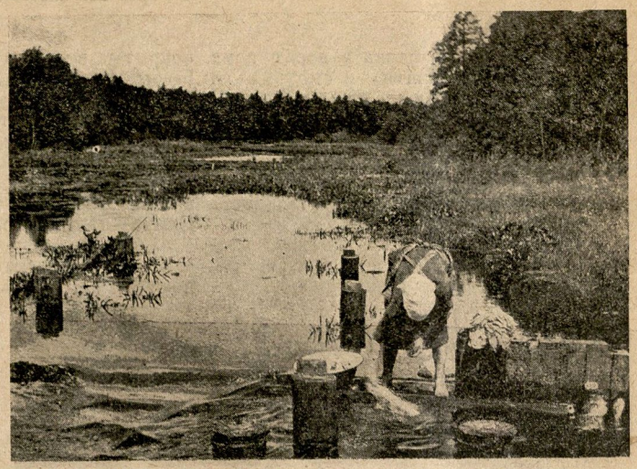
Кто-то кашлянул. Из окна прорвался тонкий луч солнца. Гершелэ вздрогнул. Нужно было петь очень трудное место. Он знал, что многие уже сорвали на нем голос и, вместо надежды на звание всеми уважаемого кантора, получили проезд на родину. Гершелэ попытался сосредоточиться, но мысли все разбегались. Голос без его участия снижался, повышался, делал нужные ударения, паузы. Словно не он пел, а кто-то другой, рядом...

После службы еще сильней заболела голова, горло, закололо глаза. Гершелэ скинул черный халатик, одел костюм и потихоньку выбрался из синагоги. Рэб Фрумкин разговаривал, сверкая золотыми зубами.—Гершелэ,—позвал он,—нас приглашает

Летние фото-этюды.

Уборка хлеба. Медвенский совхоз. Фото Барымова.

У запруды. Фото Розенберг.

уважаемый рэб Зильберштейн. Возьми Муню, возьми Менделя.

Гершелэ хотел ответить, что ему плохо, но вдруг все поплыло мимо. Реб Фрумкин стал совсем маленький, и в глаза, в тело врезались тысячи игл. Гершелэ упал.

III.

С деревьев опали листья и лежали на тротуарах мокрые, затоптанные, словно сказочные, раздавленные насекомые. Их намело целые груды под окна больницы, в которой лежит Гершелэ. Серые халатики дней сменялись черными одеждами ночи. Тогда в палате зажигали огонь, и Гершелэ на минуту приходил в себя от яркого света. Ему начинало казаться, что он в синагоге смотрит на свечи. Пробовал петь. Звуки хрипели, булькали, не шли из горла. Наступал полный мрак, небытие, а потом появлялась тетя Хана Она жарила в яйцах вкусную халэ. Гершелэ забрался на окно и ждал, когда булка станет румяной, сочной. Тетя Хана дала ему кусок. Он начал глотать. Горло сжималось, сжималось, и вдруг все исчезло Он уж рэб, знаменитый кантор. И как поет! Сам раввин ведет его к себе в дом и говорит ему:—рэб Кессель (заметьте, «реб Кессель», а не просто Гершелэ),—я вам говорю, что вы можете у меня попросить, чтоб вас поцеловала Идочка,—так вы поете!

Но раввин исчез, и Гершеле опять дома. Мать собирается на базар. В корзинке, покрытой облупленной клеенкой, черепенники. Давно умерший отец делает ботинки на пуговицах. Из-под стола вылезает Муня. Он сверкает кольцом «под брильянт» и кричит: Гершелэ—не еврей, он кушал трефное,—и все начинают кричать, бросаются к Гершелэ и душат, душат... А серые халатики дней все сменяются черной одеждой ночи и все больше на земле золотых палых листьев.

IV.

Гершелэ перечел письмо: «Гершель,—писал Менделэ,—реб Фрумкин уезжает. Денег проездных для тебя нет; говорит : он же все равно пропал. Дифтерит—не мама. Вместо тебя поет Муня. Возьми моих 10—отдашь когда-нибудь без процентов. Мендель».

Кружилась голова. Он, Гершеле, зашел в сквер и присел на лавочку. На солнце было еще тепло. На площадке играли в футбол. Мяч звонко хлопал, подлетая высоко. Гершелэ смотрел, как бегали, кричали ребята в голубеньких гимнастерках, с голыми упругими ногами и руками. Один, запыхавшись, прислонился к скамье, окинув пальтишко и саквояж Гершелэ насмешливым взглядом. Он был белокурый, широкоплечий, загорелый и ловкий. Гершелэ вынул папиросу:—гражданин, извиняюсь, нет ли спичек?—обратился он к мальчику.—Нет, не курю!—крикнул тот и бросился в голубую сумятицу площадки. Гершелэ посмотрел на него с завистью. Вспомнил слова рэба Фрумкина: «фи, комсомол, пионер! Это же сплошной разврат. Нога сюда, нога туда. Фи! Пусть честный еврейский мальчик думает себе иначе». И на минутку стало жаль, что верил Фрумкину и не может вот так же бегать, смеяться. Но эти мысли быстро сменили другие. Нужно было решать, куда итти? Он мог обратиться за помощью к раввину. Его переправили бы домой, но... Гершелэ представил руку раввина, жесткую и тонкую, с зажатыми в пальцах деньгами, которые он дает ему, Гершелэ, будущему кантору, как последнему нищему; потом вспомнил растрепанную, грязноватую маму, тетю Хану, сестер. Представил, как они будут плакать и, может быть, ругать его.

Золотые лодочки листьев проплывали изредка в воздухе, причаливая к клумбам с засохшими цветами. Гершелэ встряхнул головой, чтобы отогнать назойливые мысли, и побрел из сада. Как-то сразу наступили осенние сумерки, затушив последние угольки солнца на колокольне. Захолодало. Нужно было итти куда-нибудь ночевать. Гершелэ подумал и пошел к вокзалу. Там огромные гусеницы поездов с огненными глазами прожекторов ползли с тяжким лязгом мимо перрона. Везли вещи на скрипучих тележках, суетились люди. Фонариком светился книжный киоск, застланный пестрыми ковриками обложек. Гершелэ прислонился к стене. Он очень устал. Было невыносимо одиноко и страшно. Вдруг кто-то крикнул рядом: «сейчас поезд на юг пойдет». Люди подняли вещи, заплакали дети. Гершелэ бросился за ними. Он вошел в вагон и занял место.

— Вы куда едете?—спросила его женщина, засовывая корзину под лавку.—До Гомеля—ответил Гершелэ. Поезд тронулся.

— Граждане, пред'явите ваши билеты! В полутьме тихо позванивала какая-то железка. Шаги и голоса приближались. Гершелэ встал, прошел вагон и отворил дверь на площадку. Пахнуло прохладой. Мелькали квадратики окон, вырезая из тьмы бурые куски земли. Совсем далеко за полями тоненькой полоской дрожал закат.

— Граждане, ваши билеты, ваши билеты!—послышалось снова. Гершелэ бросился в следующий вагон. Он проходил мимо купе, наполненных шевелящимися тенями. Двери, тепло вагона, холод площадки, опять двери и упорное по следам: «ваши билеты!» В последнем вагоне везли вещи. Гершелэ остановился перед ним. Прислушался. Сзади хлопали двери, приближались шаги. И когда вырисовалась плотная фигура контролера, он заметался, завизжал и кинулся в тьму...

Очнулся, поднялся на руки. Вдали уползала темная вереница вагонов, постукивая колесами и поблескивая квадратиками окон. Гершелэ встал, у него кружилась голова. Начала колотить дрожь. Когда последний шум поезда поглотила тишина, Гершелэ поплелся вдоль полотна, хромая на ушибленную ногу.

В. Дубенская.

В СТРАНЕ ПОЛУДЕННОГО СОЛНЦА.

Очерк М. Кольчугина и В. Старцева.

Мы стоим на краю парка у ворот дома отдыха «Работник печати» и смотрим на шоссе, что идет с Сочи на Сухум—Кале.

Кругом развертывается густой лес из бука, дуба, бамбука и колючего кустарника. Мимозы и олеандры в полном цвету. Солнце стоит почти над головой, ярко заливают лучи его субтропическую растительность Черноморья.

И вот, мы смотрим на буйволов, медленно колыхающихся в первобытной упряжи, с тяжелыми колодками на шее.

Приехали на курорт.

Позади раздался рев сирены. Через 5—10 секунд из за крутого поворота выскочил автомобиль, перегруженный пассажирами. Буйволы, не обращая на него внимания, медленно сторонятся. Проносится машина. Десятки людей, одетых в белые костюмы, взмахивали руками, платками, тюбетейками... Гаркнули какое-то приветственное слово и исчезли за поворотом в розовых облаках мимоз и олеандр. Через несколько времени пронеслась новая машина, потом еще и еще.

Мы уже привыкли к этому. Мимо нашего дома отдыха проходит до 100 машин в сутки. Ездят на них преимущественно больные в курортное местечко Мацесту Мацеста славится на черноморском побережьи своим сероводородными источниками. Там ежедневно лечатся до 4000 сердечно больных и ревматиков. Целительное значение Мацесты велико. С каждым годом она привлекает все больше и больше больных. Сейчас в Мацесте строится новый санаторий—отель в 6 этажей, вместимостью до 4 тысяч человек.

В нашем доме отдыха «мацестенцев» немного Здесь просто люди, переутомленные умственной работой, люди, которым нужен отдых и хорошее «проветривание» мозгов.

Кто-то сказал, что черноморское побережье, закутанное в вечную зелень, в цветные одеяла тропической растительности, поросшее кипарисами, пальмами и самшитом *)—слашаво, скоро «приедается», скоро заставляет грустить о северных березках, о тум нах и дождях. Мы в это не верим. Такое короткое время, как отпуска рабочих и служащих, недостаточно даже для ознакомления с окрестностями, хотя бы сочинского района, где мы отдыхаем

Здесь каждый шаг земли, каждый камень следует изучить Грозные вершины Кавказа, покрытые вечными снегами, Сочи, Хоста, Гагры, Новый Афон и наконец Красная Поляна—по своему знаменательны. Здесь не так давно шла гражданская война. Здесь каждая пядь земли, каждый камень поливался кровью рабочих и крестьян И вот, когда целительные края стали принимать в свои об'ятия тружеников Советского Союза—тянет в горы узнать обо всем.

* * *

У моря, на раскаленной гальке, подстелив под себя камышовые цыновки, лежат отдыхающие, тела их жжет солнце, подкатываются волны к ногам.

Товарищ из Харькова рассказывает:

— Мне эта местность знакома хорошо: наш отряд здесь стоял в гражданскую войну.

— Слушай, друг, а ты не слыхал, как это редкостное дерево в парке КИМ генерал Шкуро погубил?

Харьковец рассказал, как шкуровцы своих лошадей привязывали к пальмам, которые обгрызали лошади.

— Да, что пальмы. Людей тысячами губили.

Недалеко от беседующих отдыхающие занимаются в кружке плавания Хочется научиться плавать обязательно стилем «а-ля брасс». Привыкают делать движения сначала на суше, затем в море на пробках, и наконец без пробок вдоволь, до устали. Заплывают на перегонках далеко в море, устраивают состязания.

Большое, большое море... и еще больше и величественней горы, подступившие к самому побережью,

И вот мы идем в горах. Нас человек 30. Миновали Хосту и вступили на вновь прокладывающееся шоссе Здесь была лишь горная вьючная тропа, а сейчас десятки рабочих срезывают 1000 летние каштаны и самшит и устилают дорогу широким каменным полотном Год—два работы и черноморское побережье будет связано с кубанскими станицами хорошей дорогой.

Останавливаемся у палатки, раскинутой в зеленой котловине между гор.

Говорим с рабочими.

— Местные мы,—отвечают рабочие. Жилище наше вам не увидать сейчас: к нашим домикам идут узенькие тропы через горы и ущелья. И хлеба у нас нет. Жены наши сажают табак, кукурузу, пасут коров, а мы зарабатываем тут.

Журчит речка Хоста. Шепчутся колючей листвой самшиты.

— Проведем шоссе через горы, свяжутся наши хуторки и кишлаки с новой жизнью. Сейчас у нас нет ни газеты, ни книги. Молоко у нас в горах стоит 5 коп. кружка, а дойти за этой кружкой не возьмешь и пары рублей,

Дики и суровы горы большого кавказского хребта. Много суровой жизни, много еще непетых песен таят седые скалы, ущелья и малиновые облака, что скрывают в ясные дни «вечные престолы снегов».

* * *

Рычит, бросается вперед автомобиль, как-бы стараясь вырваться из самого себя. Навстречу вылетают домики, дачи, толпы кипарисов, пальм, копны олеандр, поляны роз...

Едем в Красную Поляну. 50 верст дорога идет горами Змеится путь, вырастают горы, внизу темнеют ущелья, бешено несется в пропасти река Мзымта (бешеная, в переводе на русский язык).

Красная Поляна расположена в горной котловине, защищенной от северных, западных и восточных ветров. В Красной Поляне 1000 постоянных жителей. Давно, давно, до покорения Кавказа, здесь жили черкесы. Потом они перекочевали в Турцию, и Красная Поляна заселилась колонистами: греками, имеретинами, чеченцами, русскими, казаками и пр. Сейчас в Красной Поляне до 15 национальностей. В сельсовете есть от каждой национальности уполномоченный, который ведет работу среди населения.

Дорога вырублена в отвесной, полутораметровой скале. Вверху до облаков—дикая, поросшая деревьями скала, с другой стороны — тоже. Внизу бесится, бросая пенистые волны, Мзымта. Проезжаем нависшую над рекой скалу со старым названием

Буйволы в упряжи.

*) Самшит иначе называется кавказская пальма. Это дерево растет только в тропиках, в 6 местах земного шара. В районе Сочи сохранилась целая самшитовая роща.

«Пронеси господи». Автомобиль останавливается под самым навесом скалы. Мы знакомимся с историей работ по проведению этой дороги. .

Здесь работали турки. С вершины горы они спускались в люльках, закладывали в скалу динамит и отталкивались в сторону, с тем расчетом, чтобы взрыв произошел до возвращения люльки к скале. Конечно, не всегда было так, как расчитывали. Случалось, что взрыв происходил как раз во время возвращения люльки к скале и рабочие с люлькой летели в пропасть, в бешеные волны Мзымты.

До сих пор в скале «Пронеси господи» сохранились два лома, воткнутые в серые камни. Их сейчас достать невозможно. Эти орудия свидетельствуют о том, в каких условиях проводилась дорога в скалах, они говорят, что перед упорством человека не устоят и горы.

Кружок плавания в доме отдыха „Работник Печати".

За тоннелем в котловине — бугорок — братская могила, памятник о погибших при проведении дороги. Здесь-же неподалеку лежит камень—памятник о погибших красных партизанах во время гражданской войны. Их захватили здесь отступавшие белые и сбросили в Мзымту, на острые каменные выступы.

И дикость каменных громад, и рев реки, и непроходимые вечно зеленые леса волнуют каждого слушающего правдивую повесть о прошлых днях ..

Теперь Мзымта не та,— не ловить ей в свои закованные в теснины волны людей.. Стремительность, сила ее течения, измерены инженерами И здесь намечена постройка гидроэлектростанции.

* * *

В Красной Поляне наша экскурсия разбивается на 2 группы: одна остается осмотреть курортный городок с его окрестностями, другая — из выносливых товарищей—должна пойти на гору Ачишхо, в альпийские луга, на снега .. И вот мы в полдень идем со второй группой туда, где снежные груды гор прикрываются от солнца облачными одеялами. Каменная тропка идет зигзагами почти на отвесные скалы. Нас 11 челов. На нашу беду в экскурсию затесалась одна «благовоспитанная» дама. И вот она на каждом шагу требует получасовой привал. А когда кавказское солнце бросило в небо десятки разноцветных полос из-за зубьев гор, когда над дикой природой спустилась черная ночь, и мы было решили заночевать у костра, дама запросила «культурного ночлега» с чистыми простынями... Наша компания от души хохотала над этим, блуждая во тьме над пропастями. Часов в 9 вечера (ночь в горах наступает в июле с 6 ч.) на одном из альпийских лугов мы встретили охранника кавказского заповедника. Он рассказал нам, как попасть к греческим балаганам, что раскинуты в горных долинах. Там гречанки пасут скот. У них можно достать молоко и сыр. Хлеб мы взяли с собой.

Холодеет с каждым шагом. По особенному крупные звезды мерцают в черном небе.

Горы, лес, луга, пропасти, камни...

Вид на гору Ачишхо.

Хороши кавказские ночи, но холодны. 7 часов назад мы сгорали под южным солнцем, все предыдущие ночи млели под намоченными простынями, а сейчас— зуб на зуб не попадает от холода.

На ночлег мы пришли в 12 час. ночи. Этого ночлега нельзя забыть.

В лунном тумане сверкают снега на горах: Ачишхо, Чугуш, Псиашхо и др Где-то, как в море, плавает снежная абхазская цепь гор. А мы, точно на далеком севере—на большом альпийском лугу. Фыркают лошади, бродят коровы, телята... молчат балаганы в горном сне...

— Гей! Ночевать у вас можно?

Непонятные слова Вскрики.

Экскурсия работников печати по пути в Красную Поляну.

В теснинах—река Мзымта.

Мы настойчивее стучимся:

— Мы страшно перезябли. Мы из Красной Поляны. Заблудились.

В балагане непонятный говор... Высунулась женщина, что-то ответила нам непонятное и захлопнула дверь.

— Костер здесь можно разжечь? Мы окончательно замерзаем.

Нашлась одна женщина, умевшая немного говорить по русски. Сказала несколько утешительных слов. Потом на своем языке покричала что то в соседний балаган и сказала нам:

— Идите туда... там молоко... огонь... вода; хлеб нет.

— Хлеб у нас есть. Мы заплатим за все.

Широко открылась дверь. Пахнуло гарью, застоявшимся воздухом. Ламп никаких в балаганах нет. Ни о каких печах здесь не может быть и речи. Балаганы очень похожи на юрты самоедов. Посреди балагана горит костер, над ним — на проволоке — подвешивается котелок для варки пищи.

С бою занимаем места вокруг костра. Проголодавшиеся экскурсанты кричат друг перед другом:

— 11 бутылок молока надо!

— Я один выпью 2 бутылки!

— Надо начальника по продовольствию назначить, паек выдавать! А то уж корочки начинают обламывать.

— А где сыр?

— Цело, цело все!

Выбрали, так сказать, продначальника. Стал он выдавать паек. Спрос большой. Начальник шутит:

— Вам теперь коровы мало. Сядите сразу.

С нар, расположенных у задней стены, смотрят дети, высунув из под тряпья черные лица. Они следят за новыми для них людьми. Гречанки суетятся, наливают в котел кружку за кружкой молока.

— Вы что же одни здесь? Где же ваши мужчины?

Оказывается, мужчины-греки промышляют в Красной Поляне, а женщины здесь на пастбищах.

Передрогшие, занятые просушиванием одежды и обуви, промоченной росой, беседуем с гречанкой, понимающей наш язык.

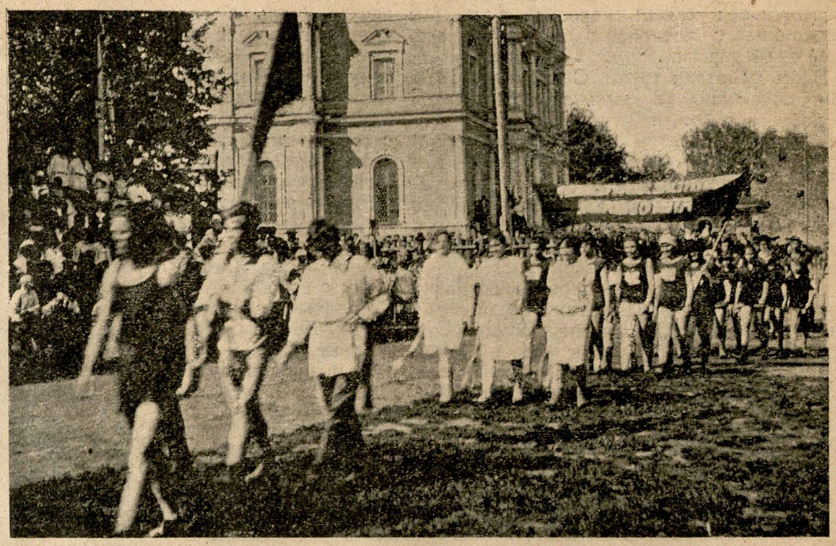
— Жизнь наша, что иной камень—осела на горе и ни назад, ни вперед. Видите: здесь горы, лес, цветы и наш скот. Вот вся наша жизнь. Мы ухаживаем за скотом... и поем песни. Песни наши хороши и жизнь хороша.

Сказала что-то своим на родном языке, и все они засмеялись.

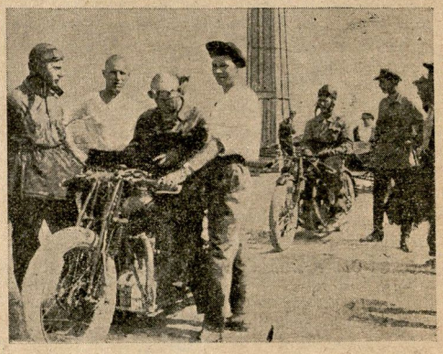
Смеемся и мы.

СПОРТ
в Туле.

1 и 4. Мото-гонки на 100 километров на первенство в Центрально-земледельческом районе. 2. Парад спартакиады в Туле, в Кремле. 3. Участники состязания в беге. Старт-финал на 100 метр.

Легли спать: кто на полу у костра, кто на нарах, где гостеприимные греки потеснились и уступили уголок для 3—4 человек.

..Сказки ли слушали... Сон ли видели.. В лунном тумане белеющие горы, альпийские луга...

В четыре часа утра было особенно холодно, трава и цветы лугов побелели от мороза. Взошло солнце и снежные гребни загорелись нежно-розовым пламенем...

У балаганов, на деревянных решетках—творог. В самодельных корытцах—холодная, как лед, озерная вода.

— Умывайтесь, шоб привыкнуть к нашей воде и ветру.

Вода, ветер и утреннее солнце, сквозившее среди гребней гор, походят на наши северные, когда стоит золотая осень и по опушкам ходят заморозки.

Много пришлось нам потратить слов, чтобы уговорить гречанок сфотографироваться.

— Не надо, вы еще повезете в Москву и скажете:

— «Вот женщины из гор».

Распрощались и пошли к снегам. Снова змеится каменная тропа, снова дремучий буковый лес, дикие скалы, альпийские луга и озера.

С гор подымаются орлы, спиралью взвиваясь вверх. И точками парят над нами.

Снежные груди гор уходят без конца тремя хребтами. Идем каменными дикими скалами, а внизу, в разноцветных оттенках, раскинулись хвойные леса, преимущественно кедровые. И гора Ачишхо, ее подножье и котловина до Чугуша, с многочисленными нарзанными источниками, и сам великий Чугуш-гора,—все это государственный заповедник. Площадь в несколько десятков тысяч гектаров, где водятся редкостные звери: туры, зубры. Здесь бродят шакалы, пантеры и рыси. Живут благородные олени, горные серны, лани и пр.

Заповедник охраняется круглый год.

А во время нашего пребывания в Красной Поляне оттуда собиралась выезжать научная экспедиция на 2—3 недели в горы, для обследования диких питомцев-зверей.

В десять часов утра, когда наша экскурсия разбросала по горам несколько уставших от кручи, камня и солнца товарищей (занемогшую даму давно оставили на альпийских лугах), мы, имеющие еще хороший запас сил, увидели снега лежащие от нас за небольшим перевалом.

— Ура!—и бросились вперед. Час взбирались по камням разбитых скал. И вот мы у цели. Играем в снежки, моемся снегом...

Под'ем до снегов, вместе с 4-х часовым ночлегом, занял 20 часов. Шли по ½—1 километру в час.

Горное солнце горячо. На проталинах цветут подснежники и фиалки.

Зима или лето? Лето или зима?

Мы стоим над уровнем моря в 2365 метров. У подножья—Красная Поляна, маленькие кубики — домики, ленточки — улицы. Вдали слилось в туманом море... У берегов моря—в субтропиках никогда не бывает снега, здесь вечные—не тающие снега...

Набираем льду, снегу и идем обратно, собирая по пути разбросанных товарищей.

В Красную Поляну вернулись на другие сутки к вечеру.

..Снова летит автомобиль. Снова горы, ущелья, скалы. Бешено ревет Мзымта. Всплывают дома, аулы... Треплет ветер волосы, надувает парусами рубашки.

Суровы вершины Кавказа... Суровы, но заманчивы...

Страшно становится, когда вспоминаешь, что проходили опасные места.

Страшно, но снова тянет в горы.

Море и горы... Горе и море... Жгучее солнце и ослепительные снега!

Незабываема страна полуденного солнца!

М. Кольчугин. В. Старцев.

Сочи. Июль, 28 г.

Из литературного опыта

Железо и золото.

В золотую осень
Слава тебе, серп!
Новы и колосьями
Уберем наш герб.
Урожаем гордый
Обитатель хат
Даст в уплату городу
Пышные стога
За его обновки:
Шали и штаны,
Сапоги с подковками,
За коней стальных.
Лется из колосьев
Золотая лава.
В золотую осень
Урожаю слава!
От колосьев золот
Молодой наш герб.
Слава тебе, молот,
Выковавший серп!

Есипов

Песня.

В наши-ли дни не смеяться—
Радость в сердцах тушить?
Коли огнем демонстраций
Вспыхнула новая жизнь!
Если огнями, огнями
Юность сверкает во мне
И разлилась над полями
Песня подобно волне;
Если заводы, заводы
Песни гудками поют,
Если фабричные своды
С песней работу ведут;
Если в горах громким эхом
Песня звенит и звенит;
Если мальчишеским смехом
Песня ласкает гранит,—
Так почему-ж не смеяться—
Радость в сердцах тушить,
Коли огнем демонстраций
Вспыхнула новая жизнь!

Михаил Рудин.

В деревне.

Сниклые рябины
У плетня,
Ветер за овином
Пыль поднял.
В сини поднебесной
Клочья туч,
В палисадник тесный
Прыгнул луч.
Серые губенки
И дворы,
Разжужжались тонко
Комары.
Липы белым цветом
У двора,
Закричала где-то
Детвора.
Перепелок в поле
Голоса,
Лип вершины колят
Небеса.

Лев Кондырев.

НАША СТУДИЯ.

3-я литературная беседа.

Передо мной целая тетрадка стихов комсомольца Д. Файтеха. Странные стихи! Чем и кем они навеяны, трудно понять. Может-быть, классиками Лермонтовым, Грибоедовым, а, может быть, и современным имажинистом А-дром Кусиковым.

Если так, то учители как-будто бы солидные, а вот Файтеху учеба у них, повидимому, не пошла в прок. Файтех пишет о Кавказе, о Кубани. Иллюстрирует свои стихи примитивными детскими рисунками. Рисунки, конечно, слабы, точно так же, как слабы и стихи. Здесь тон выдержан. Одно соответствует другому. Стихи Файтеха—это рифмованный, всегда тщательно размеренный набор слов и всегда лишенный смысла. Вот первые строки из его стихотворения «Кубань».

Мне помнятся дни,
Текучая кровь,
Аулов огни,
Измена, любовь.
Кубанские песни
И новые дни,
Часы дикой мести
И счастья огни...

Таково все стихотворение. Таковы и остальные стихи Файтеха. Рецепт такого «творчества» очень прост. Подбирай слова по размеру, в рифму, независимо от их смысла, и дуй, примерно, в таком роде:

Колодец, полено,
Корова, бугор,
Кривое колено
И новый забор—и т. д.

Тетрадка со стихами у Файтеха об'емистая, а толку мало. Лучше бы ему совсем отказаться от «сочинительства» и заняться каким нибудь другим, более для него подходящим, ремеслом.

Вторым на очереди со стихами у нас крестьянин Тульского р-на, П. Лисенков. Стихи этого товарища более осмыслены, чем стихи Файтеха, но также еще очень слабы. Главные недостатки их—это глагольные или заканчивающиеся прилагательными рифмы, а также недопустимые в стихах прозаизмы.

Осень дождливая,
Хмуро тоскливая;
Времячко неважное
Грязь непролазная...

«Дождливая», «тоскливая», «времячко неважное»» (прозаизм), «непролазная»,—все это подобрано Лисенковым рифмы ради и подобрано весьма неудачно. Эти-то слова как раз и портят его стихи. Там, где Лисенков не в состоянии справиться с рифмами, он переходит на белые (нерифмованные) стихи и, конечно, бедняга—поэт даже не подозревает, что такие стихи у него получаются гораздо лучше рифмованных. Взять хотя бы для примера вот эту строфу:

Ветер холодный
Воет бушует,
Скачет и пляшет,
Мечет и рвет.

Может быть, это и случайно, но образно и вообще не плохо. Как только дело доходит до рифмы, начинается старая история:

С крыши он солому
Клочьями срывает,
В поле уносит
Далеко бросает и т. п.

Вообще Лисенкову прежде, чем сделаться поэтом, еще нужно много, много учиться.

Безграмотных литературно людей, пишущих плохие стихи, и без него в СССР довольно!

Впрочем, Лисенков не безнадежен. У него, правда, нет соответствующей выучки, но есть поэтическое чутье. Ни того, ни другого нет у третьего товарища, некоего Мошкина (Тула). Этот товарищ соблюдает размер, даже пытается быть образным и все-же пишет плохие сладко-паточные стихи.

На горе картинкой миленькой,
У реки Оки кривой (?!)
Раскидал Алексин выемкой
Ряд лачужек над рекой.
Перед бором луг зеленький
Лето целое в цветах.
Пропадали с ранней зореньки
Парни с девками в лугах.
Понарвут цветов красивеньких
И букет, глядишь, в руке,
И бегут тропинкой кривенькой
Окунуться на реке.

Стихи Мошкина (в грамматическом отношении) грамотнее стихов других разобранных нами авторов, но... тошно приходится от такой «миленькой» и «красивенькой» поэмы.

Тетрадочка стихов пионера Н. Ветохина из д. Александровой, Оболенского р-на. Учитывая юный возраст автора, можно было-бы обойти молчанием эти детские каракули. Но мы этого не делаем. Не делаем потому, что эти стихи, слабые формально, интересны, как документы, характеризующие настроение нашей «смены».

Ветохин пишет исключительно на гражданские темы. Вот отрывок из стиха «Октябрь».

Пусть в торжественный день Октября,
Какой-бы не был лютый холод,
Восславим республики герб,
Стальной серп,
И молот.
Будем строить новую жизнь!
Рабочие, крестьяне,
Сплотивши ряды,
На путь великий ленинизма
Страну советов выводи!

А вот образ великого вождя революции В. И. Ленина, каким представляет его себе юный пионер из деревни.

Он стоял на высокой трибуне
И на массы народа взирал
И своею горячею речью
Зажигал, на борьбу призывал.
Знал всегда он, что эти вот люди
Его речи оценят, поймут,
Защитят революцию грудью,
На борьбу с капиталом пойдут.

Повторяем, стихи Ветохина формально слабоваты, но по бодрому настроению, по ударности, призывности, они не уступят стихам некоторых высококвалифицированных поэтов. В этом их основная ценность.

Алексей Медведев.

ХОРОШЕЕ ПАЛЬТО.

Рассказ М. Яровой.

ВСТРЕТИЛ ее Сашок во дворе университета. И узнал сразу, хоть и не видал лет пять...

Узнав, кинулся:

— Сонька!

Ну, да, она, и водит плечами по старому и глаза, черные пустышки, сощурила..

— Здравствуй, товарищ,—сказала Сонька, видимо, его не узнавая.

— Я-ж Сашок Ериков—приехал и, кашлянув, смущено добавил—иль не помнишь...

— Ериков,—задумчиво протянула Соня—помню, да-да. Ты что-ж сюда на учебу?

— Вроде, засмеялся Сашок, на рабфак значится... а сюда к другу...

Они постояли молча. Сашок усиленно потер нос и сказал..

— Холода у вас нетерпимые —

— Да, равнодушно согласилась Соня и подумала было протянуть ему руку проститься, но это показалось неудобным, она оглянулась по сторонам и сказала:

— Правда, холодно ..

— Прямо жить невозможно—улыбнувшись, подтвердил Сашок.. и подумал—вот нелегкая—слов нет, все слова провалились...

— Ну, прощай пока—решительно кинула Соня, тороплюсь на лекцию, увидимся.

Сашок поглядел ей вслед—качнул сокрушенно головой, вздохнул.

* * *

Ну, да не пять—семь же. Право, семь. Как раз на исходе двадцатого года и встретил Сашок Соньку. Сам он оголец огольцом—четырнадцатую осень жил, попал в район—приписался комсомольцем. Бегал в район часто, да что часто—дни и ночи пропадал. Там и Соньку повстречал. Росточку она была пустякового, вертлява и вид таков, будто все от нее. Мечется, слетает с места ровно ее булавка в таком месте тревожит.

Тогда же после мобилизации, когда ребят в груди пошире росту, если и не солдатского, так туда—сюда, чтоб хоть с винтовкой рядом не глядел лилипутом—короче, способных, позабрали, погрузили—поволок их товарный состав к Крыму. Вот тогда в районе стало одиноко и холодно. Притихли ребята, ходили будто обронили что, и Сонька нет-нет и присядет—тогда помнит Сашок такое.

Сонька!..

Пришлось дежурить в районе. Ружье ему дали—английский винчестер. От скуки нажмешь кнопку—обойма выскочит От скуки же бродил Сашок по комнатам и в читалке в углу на остатках тахты увидал узелок. Подошел, от луны в комнате ясно, поглядел. Сонька спит, руки с ногами спутавши, и дышет тихо...

Ушел Сашок—сел в прихожей на ломаное кресло, задремал... а в рассвет пришла Сонька, пристроилась рядом и до полного утра журчала. То, это, пятое, десятое...

После моталась Сонька, попрежнему кричала, кружилась—приходила всюду раньше всех, а с виду казалось опоздала девка и теперь гибнет...

И нежданно пропала...

А сейчас увидел ее Сашок, перетряхнуло его и ночь эта вспомнилась На коленях винчестер: цзык—выскочила обойма! к-рак,—вскочила на место И Сонька журчит, плечами водит, щурится..

— У, будь ты неладная, досадливо сказал Сашок и, встав, прошелся по комнате.. Постоял чуть и пошел на сон грядущий за дверь покурить.

Красивой Соньку назвать нельзя было. Маленькая, узкогрудая—ходила она мелкими, семенящими шагами. И хотя вертелась всегда на глазах—ее мало замечали. Правда, любой парень из ячейки знал ее в лицо и по имени, но особенного внимания не комсомолке Соньке, а ей Соне Коперовой—никогда никто не уделял. Ее подруги (собственно, подруг у Сони не было, а только девченки и ребята по ячейке, семинарию, комнате и всяческим комиссиям) выходили замуж, сходились, страдали, расходились: Соня-же бегала особняком, как будто бы вне работы у нее ничего не было...

В последнее время столкнуло ее в санкомиссии с парнем с чудной и трудной фамилией Трипечитанин. Кондратий Трипечитанин, белоголовый малый, предложил ей сходить в киношку. Соня, не раздумывая, согласилась. Пошли.

Шел он рядом, шутил, кричал в мороз петухом, при чем так похоже, что Соня не ругалась, а в удивлении долго хохотала...

— Девушка, гудел Кондратий, я веселюсь, а у меня сердце кровью обливается—что значит кредит. Ботинки возьмешь—не нарадуешься.

— Жмут? спросила Соня.

— Нет, горько сказал Кондратий, терзают.. а ты что взяла? В последние дни по общежитию да в вузе только и разговоров было, что о кредите, что, да как. Соне они уж надоели порядком.

Шел он рядом, шутил...

— Ничего, сказала Соня, ничего.

И напрасно, загудел Кондратий. Вот ты в куртке—

— Ну?

— Я не лошадь Софи — Я Кондратий Трипечитанин...

— Трипечитанин... Кондратий Триче... подумала Соня ..

Тириче... Слово отяжелело, уродливо поползло в голове, переворачиваясь грузным противным телом. Тричепета...

— Как отца звали? перебила вдруг она Кондратия.

Тот осекся, посмотрел на Соню недовольно.

— Просто звали, сказал он—Иван звали, и, будто угадав ее мысль, добавил:

А от фамилии он помер... Смешно и грустно жил, людям в удовольствие—после во ВЦИК заявление подал—ослобоните—сил нет Трипечитаниным быть... может и потерялось заявление, а он от грусти помер...

Царство небесное, сказала Соня, подумав: шутит он или таков, хорошая смерть.

— Неважная... а что ты в куртке... Как там ни разговаривай, женщина это—женщина. Ты комсомолка, Софи. Приветствую—я партиец—но

...женщина это—женщина...

И пожал ей руку над локтем...

Соня вздрогнула, ощущая пожатие не там, где Кондратий ее тронул, а по всему телу.

— Вот дрожемент не ко времени—подумала Соня и сказала вслух себе—

— Ерунда.

— Ерунда, на чей взгляд, золотая—проговорил Кондратий и наклонился к ней.

— Софи, сказал он—мы дома.

* * *

Утром Соня проснулась раньше всех—повернулась на бок Сон не шел.

— Ну, ладно, надо вставать, зевая подумала Соня. Встала, пошла холодным коридором в умывальню. Коридор и умывальня были без окон—тускло и оранжево горели лампочки. Оплеснула себя ледяной водой, побулькала и побежала рысью к себе

Утиралась перед зеркалом и только сейчас стала себя внимательно разглядывать. Из зеркала на нее смотрели черные серьезные глаза, широко раставленные над круглым неправильным носом

— Как пуговица,—вслух подумала Соня и недовольно тронула себя за нос... что за глупости, вдруг рассердилась она. Отошла от зеркала и швырнула полотенце на кровать ..

Взгляд ее упал на куртку, висевшую над кроватью . Куртка выглядела изнуренной. Рукава заштопаны, карман обшит другой кожей...

— Надо куртку новую—подумала Соня—возьму куртку .. У нее второй день лежал ордер на кредит в Москвошвее. И эти два дня она думала взять пару юбок, толстовку—ну, белья пары три...

— Куплю куртку, упрямо, кому то невидимо возражая, подумала она—обязательно.

Соне не сиделось—чувство необъяснимой злобы клокотало внутри, как будто кто ее грубо и неожиданно обманул что ли?

Проснулись девчонки. Рыжая Катерина—медичка побежала за кипятком, чуть не обварилась, споткнувшись о порог

— Ты всегда растяпа—неожиданно зло сказала Соня.

На самоварной фабрике.

В паяльне. *С. Дмитриев.*

Катерина обиделась и, кинув на стол, молча пошла к себе в угол...

— Человек чуть не обварился—сказала она из угла, и его же ругают...

— Не будь растяпой,—настойчиво повторила Соня.

— Дура, вступились за Катерину девчата, что она нарочно.

— Я и не говорю, что нарочно, огрызнулась Сонька, а говорю растяпа... Растяпа и есть..

— Ну, и чорт с тобой.

Девчата махнули рукой и сели пить чай..

Соня оделась, взяла ордер и пошла в магазин.

— Куртку надо... хорошую, сказала она приказчику...

Приказчик, седоусый человек, любезно улыбаясь, развел руками.

— Ну, кто-же теперь носит... возьмите пальто... Дороже немного заплатите. Но, во-первых...

— Мне куртку, упрямо сказала Соня.

— Нет же, нет курток, сказал приказчик, вы примерьте. Вот пойдемте... Практично и красиво...

— Ну. покажите'—помимо своей воли вдруг сказала Соня...

Приказчик засуетился, кинулся к вешалке и достал синее пальто с шалевым воротником, квадратами спадавшим на грудь...

Вот. Самый ваш размер. Соня примерила—пальто действительно облегало ее и по размеру, видимо, подходило...

— Спросите любого из покупателей,—суетливо говорил седоусый приказчик.

— Сколько?

— Пятьдесят только.

— В самый раз,—обиженно сказала Соня и протянула ему ордер.

В тот же вечер заседали в комиссии—вырабатывали об'явление...

Соня в накинутом на плечи пальто сидела за столом молча. При тусклом свете лампочки лицо ее, обрамленное черными коротко подстриженными волосами и темным пушистым воротником, гладело даже красивым.

Итти по улице в первые дни было необычно тепло. Прятала лицо в воротник, в теплый колючий мех.

Шла она с Кондратием. Кондратий размахивал руками, много говорил, наклонялся к ней и дышал ей в лицо...

У самого университета она поскользнулась и упала. Кондратий кинулся к ней и вдруг увидел дыру на чулке выше икр.

Это передернуло его—и он с азу остыл. Он даже не помог ей подняться—она вскочила и весело на него взглянула.

— Заштопать не могла,—подумал Кондратий и сказал:

— Как это ты, растяпа?

— Что-ж я нарочно?—грубо сказала Соня..

— Нет, я так, сказал он и поглядел на нее.

Только сейчас в новом пальто показалась он ему некрасивой. И модный воротник и оригинальная застежка внизу подчеркивали убогость старенькой кепи и истоптанных башмаков. Даже лицо ее показалось чужим и неприятным.

— Я пойду,—отвернувшись сказал он, мне в библиотеку.

— Ты же говорил на семинарий.

— Да нет, вспомнил я...

Он, не глядя, протянул ей руку и побежал...

Соня пошла вперед. Непонятная, но горькая обида дрожью рассыпалась по лицу и готова была прорваться слезами...

— Соня!—крикнул ей кто-то. Она не оглянулась и пошла быстрей.

— Соня!

Сашок подбежал к ней и протянул обе руки.—Вот, сказал он смущенно, второй раз встретились—я тут опять к товарищу...

— Я тороплюсь,—отрывисто выговорила Соня и побежала прочь...

— Ишь ты... вслед ей кинул Сашок и разозлился—вот дьявол, пальто шикарное заимела. Он плюнул и пошел к выходу.

В мавзолее.

Красная площадь тихонько звенит;
Ложатся по площади тени.
От башен Кремлевских рванулись огни—
Пять букв несут:
«ЛЕНИН».
Приглушенный, падает робко гул.
В молчании, пара за парой,
Мы входим.
Замер в дверях караул.
В гробу недвижим командарм.
Ложатся морщины сурово на лбу,
Здесь слышно биение века!
С минуту стоим,
Наклонясь к лицу
Великого человека...
На площади ветер собрался в поход
И Кремль поплыл, как вал,
А Спасская башня, поднявшись, поет
Интернационал...

Иван Костин.

* * *

Не держится и валится
Побагровевший лист.
Последней песней хвалится
На озими горнист.
На ноте самой низкой
Поет пастуший рог
О заморозках близких
И судоргах дорог,
О длиннополой шубе
На дармовом меху.
Поет пастух.
И трубят
Метели наверху.
Все глуше и печальней
Про зимний сон зари
Мелодия прощальная
Из рога говорит.
Окончилася. В прядки
Забилась стая мух.
Хлестнул и в беспорядке
Погнал стада пастух.

И. Стрелков.

Из путевых стихов.

Прекраснейшая из традиций—
Весною бродить и гореть.
Так весело в поезд садиться
На сонной, прохладной заре.
В летящем киргизском просторе
Путь рельс торжественно прост
И пахнет волнующе морем
Дырявый трехметровый мост.
Южнее—на крошечной станции,
Устав и глядеть и спешить,
Потянет на отдых остаться
В былинной, дремотной глуши.
Невольно разгладишь морщинки.
Зеленый струящийся фон,
Желтые чашки кувшинок
Качает стеклянный затон.
Кажется: здес под Купала
Русалочий виден балет,
И лодка плывет, как попало,
К причалу, которого нет...

Г. Краева.

Тульский базар.

Овощной ряд. *С. Дмитриев.*

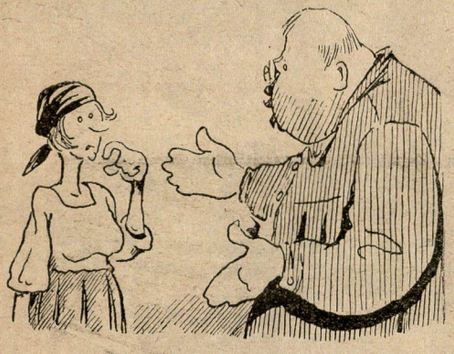
О сигаретках и профсоюзном билете

На заводе прогудел гудок. В конторе треста, что на углу Конной и Миллионной, машинистка перестала стрекотать на «Ундервуде», достала из стола булку и полбутылки молока и начала закусывать.

Напротив машинистки сидел гражданин Матыгин. Он глядел в окно и соображал, где бы «подсадить» рублевку-две на обед. Матыгин, как и все остальные сотрудники, только-что получил получку, но свои деньги он проедать на работе не имеет привычки... На его счастье находятся такие люди, которые отказать ему не могут, а спросить долг стесняются. Матыгин копался в памяти, приискивая такого человека.

Через комнату прошла курьерша, с разноской подмышкой.

— Голубушка, Надя!—воскликнул Матыгин,—у меня до тебя просьба есть.

Голубушка, Надя!

Надя подошла.

— Ты мне не одолжишь рубль денег?—заговорил ласково Матыгин.

— А вы разве не получили?

— Знаешь, мельче трех черв нцев нет. Надавали черт их с'ешь-то одних крупных. Бегал, бегал—ни в одном киоске не разменял.

— Желаете я разменяю,— несмело вымолвила курьерша.

Матыгин - туда - сюда по карманам,—и вдруг:

— Ах, что за память, ведь, я их уже дома оставил. Да, я тебе завтра отдам, Надя.

Надя наскребла только 87 с половиной копеек.

— Давай эти, как-нибудь обойдусь,— он сложил пригоршни ковшиком и в них посыпались медные и серебряные. Матыгин звякнул ими и тут же метнул в дверь. Через 3—4 минуты он явился с плиткой шоколада в одной руке и кистью винограда в другой. Тяжело осев в кресло, начал глотать одна за другой янтарные ягодки, поплевывая в сторону стебельками.

Раз, два, три и все готово. Пакет и шоколадная обертка летят в угол. Матыгин блаженно провел пухлой рукой по животу, облизнулся и к машинистке:

— Марья Ивановна, у вас не найдется копеек 50 на пачку папирос?

У машинистки денег не нашлось. У регистраторши тоже.

В это время в дверях показался тщедушный старичок с коробочкой в руке.

— Сигареток не надо-ли, гражданин?

Матыгин громыхнул стулом.

— Давайте сюда.

Старичок поставил коробку на стол. Матыгин быстро раскрыл коробку, воткнул в зубы сигару и чиркнул спичкой. По комнате поплыла ароматная волна.

— Так я заберу все,—придвинул Матыгин коробку к себе.—Сколько стоит?

— Три рубля.

— Только у меня сейчас нет денег. Вы зайдите ко мне завтра, часиков в 12.

Старичок стушевался.

— Вы займите у кого нибудь, гражданин,—попросил он,—а то мне деньги по зарез нужны. Знаете, тем и живу я.

— Видите, обезденежничали все. Да вы не беспокойтесь,—начал уговаривать Матыгин. После пятиминутных переговоров владелец сигар пошел на уступки:

— Я забегу завтра, только вы дайте мне какой-нибудь документик.

Ну, уж еще чего, а документа у Матыгина не выманишь Документы—такая штука, что отдавать его за сигаретки опасно. Еще в тюрьму угодишь. Мало ли какие сигаретники ходят. Однако ничего не поделаешь, надо достать документ...

— Ну, как же, выйдет у нас что?...— спросил старичок, глядя на порванную пачку сигар.

— Одна минутка, дедушка, сейчас.

Матыгин сунул сигаретки в стол и опрометью бросился к двери. На лестнице он наскочил на рабочего Панфилова, поднимавшегося наверх.

— Голубчик, Митя, выручи, дай трешницу. Прямо во!—он провел себя по горлу.— Я тебе завтра отдам.

— Вот, Андрей Никитыч, уж нету-у! Ничего нету, кроме профсоюзного билета.

— Давай! Мне, кстати, документ нужен.

— Для чего тебе?

— Да ты давай, расскажу после. Некогда...

Панфилов распахнул пиджак и запустил руку в боковой карман.

— На, не затеряй только.

Матыгин рванул книжку и быстро скрылся. Панфилов направился в другую комнату по своим делам.

На следующий день к машинистке подошла сгорбленная старушка.

— Милая, кто тут у вас Панфилов?

Машинистка пожала плечами.

— У нас нет Панфилова.

— Как же нет? Сигаретки он у моего мужа в долг взял. Вот его домумент.

Машинистка искоса взглянула на Матыгина. Старушка начала горячиться.

— Вот те раз, старик сказал, что тут. Нешто он ошибся? Да не вы-ли это, мил человек?—обратилась она к Матыгину.— Уж вы дюже схожи с Панфиловым то по рассказам старика—«морда—говорит—во какая».

Матыгин сверкнул глазами, но сдержался.

— Человек с человеком схож бывает, не спорю, а Панфилова у нас не существует. А вот что. Я вам, бабушка, дам совет, как найти его: стащите-ка эту книжку в Губотдел союза, там сразу найдете и Панфилова и сигары.

Старушка ушла.

* * *

Панфилов в обеденный перерыв получил повестку срочно прибыть в союз.

Пришел. Спрашивает:

— Меня сюда вызывали зачем-то?

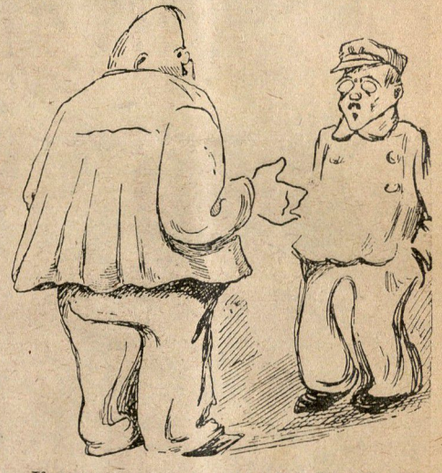
— Вы Панфилов?—улыбнулся секретарь, приподняв очки.—Где ваша профсоюзная книжка?

— У меня.

— Ну-ка, покажите!

Панфилов сунулся в карман, в другой.

— Сейчас найдем.

Кстати, нет ли у тебя 3 рублей?

— Вы не торопитесь. А скажите, чем вы за сигаретки платили.

— Какие сигаретки? Я не курильщик,— удивился Панфилов, не переставая искать книжку.

— Да вы не ищите, припомните... старичок такой, седенький... Ну, сигары вам одолжил... У вас денег не было, и вы просили его обождать долг, а в залог книжку ему отдали. Вот она.

Панфилов обалдел... Взял книжку, повертел ее в руках и вдруг треснул себя по лбу...

— Ах, чорт возьми, ведь это Матыгин Андрюшка мне свинью подложил. Ну-у, и механик!..

При встрече с Панфиловым Матыгин отделался шуточкой:

— Ха! ха! ха! Хороша история! А я, ведь, ему давал свой адрес. Все перепутал, старик... Ну, я его встречу—заплачу... Кстати, нет ли у тебя, друг Панфилов, трех рублей до завтра?

Н. Кукушкин.
А. Зверобоев.

На самоварной фабрике.

В перерыв. *С. Дмитриев.*

Выписывайте и читайте литературно-художеств. и сатирический журнал **„МОЛОТ“**

Подписная цена на „МОЛОТ“ 10 к. в м-ц. На „КОММУНАР“ с „МОЛОТОМ“—70 к.

Издатель—газета „Коммунар“. Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, А. Медведев, В. Старцев.

Гублит № 950. Типография Тулпечати—Тула, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 3338 Тираж — 5000 экз.